

Пётр Николаевич Краснов

Кинематограф

Письма с дороги

Глухою темною ночью тарантас запрыгал по выбоинам и ухабам широких улиц, обсаженных тополями, карагачами и ивами, а кой-где и просто березками, темными силуэтами прикрывшими низкие, слепые от закрытых ставен домики: мы въехали в Верный. Осененная молодыми тополями, с тремя каменными выступами крылечек, стояла старая и почтенная гостиница "Европа", известная более под именем номеров Грязнова.

Когда приезжаешь в город в первый раз, когда ничего о нем не знаешь, когда об отелях судишь по грязным засиженным мухами объявлениям на почтовых станциях, то поневоле едешь туда, куда вас зовут настойчиво прожужжавшие вам уши объявления. Европа так Европа, а в общем не все ли вам равно, когда вы целую неделю колотились боками о стенки тарантаса, спали на жестких диванах, питались Бог знает чем... Потом оказалось, что номера Прокофьева лучше, новее и чище; больше "джигит", как выражался один мой порт-артурский знакомый, нежели номера Грязнова, но в первую минуту и номера Грязнова показались раем после почтовых комнат. Помилуйте: в них беленные известью стены оказались окрашенными клеевою краскою по трафарету - это ли не роскошь! Притом у Грязнова лучший повар в Верном, лучше, нежели у самого военного губернатора (так нам сказали!); а это ли не приманка для людей, питавшихся соленой колбасой, сыром, ситным хлебом и... яблоками целую неделю.

Если у Смирнова в географии есть описание города Верного, то, наверное, там сказано, что Верный знаменит... В остроумных рассказах Тэффи отмечено не без юмора, что каждый город чем-нибудь знаменит. Дрезден - Мадонной, Нью-Йорк - статуей свободы; ну а Верный знаменит своими яблоками и землетрясениями. Яблоки в нем действительно громадные, с голову ребенка величиною, ярко-красные, сладкие, рассыпчатые, ароматные и удивительно вкусные. Не менее хороши и груши, превосходные, нежные дюшесы. Но не хуже яблок и груш и здешние землетрясения.

Помню, когда в прошлом году пришли в "Россию" первые известия о землетрясении в Верном, к нему отнеслись как-то холодно. Верный не Мессина. Из Мессины к нам идут апельсины, в Верном растут, правда, яблоки, но они к нам не идут; притом в Мессине погибли итальянцы и прехорошенькие итальянки, тут киргизы, казаки и переселенцы - стоит об этом думать! Только настойчивые телеграммы генерала Фольбаума, отзывчивое на человеческое горе и нужду сердце Матери народа русского - Государыни Императрицы Александры Федоровны, ставшей во главе Комитета для сбора пожертвований, сделали то, что нужда погашена, сироты нашли приют, вдовы - прокормление, потерявшие все имущество в чужом краю - возмещение убытков. Но осталось в Верном то, чего нельзя было залечить никакими денежными пособиями, никаким участием, - это нравственный удар, это трепет перед непонятным, это мистический ужас повторения пережитого.

Просматривая описания Верненского землетрясения в декабре 1910 года и январе 1911 года, видишь отрывочные заметки, ничего цельного, а потому, быть может, на "Россию" оно и не произвело такого впечатления, как землетрясение в Мессине. Там сразу рушились многоэтажные дома, там почва уходила из-под ног и в одном месте на маленьком пространстве земли гибли тысячи людей и разрушалась многовековая культура. Здесь постепенно расшатывались и падали маленькие жалкие домики, смазанные из глины, - "ласточкины гнезда", и гибла только грязная киргизская беднота, застигнутая врасплох под своими толстыми земляными крышами.

Когда проезжаешь Верный днем и видишь широкую улицу, упирающуюся в высокий снеговой хребет, серебряные вершины которого, искрясь перламутром, тонут в прозрачной синеве бездонного неба; когда по сторонам задумчиво шумят желтеющие тополя, раскидистые карагачи городского сада и тихо журчат вдоль них прозрачные арыки, невольно говоришь - "это город, пострадавший от землетрясения? Полно, точно ли? Какой громадный розовато-голубой, приветливый и яркий стоит собор! Как же не рухнула эта кирпичная громада? А прочные "ряды" торговых лавок? А местный "Мюр и Мерилиз" - магазин Шахворостова с его каменными стенами? Дом военного губернатора? А приют, а эти громадные стройные тополя и карагачи? Какое же это землетрясение?

Но вот большой дом с пробитою брешью в стене обратил ваше внимание: окна разбились, оконные переплеты поломаны; за осыпавшеюся штукатуркой видны осыпавшиеся кирпичи... там дался и осыпался земляной забор; здесь балки подпирают стену дома, выпятившуюся наружу; там полдома стоит с облупившеюся штукатуркой. Что-то было, и это что-то, очевидно, было ужасно.

Девять месяцев прошло с того дня, и Верный живет, прислушиваясь к земле, к тому, что делается